

Просто убавь воды О компрессии в синхронном переводе

И.В. Зубанова

Как это ни печально, нужно признать: люди не любят переводчиков и не особенно доверяют им. В лучшем случае смотрят на них как на неизбежное зло, в худшем подозревают в коварных намерениях что-то утаить или исказить во вред клиенту. К переводчикам и их работе подходят с презумпцией виновности: переводчик — предатель; перевод если верен, то некрасив, а если красив, то неверен... Впрочем, такие же опасения вызывают и специалисты других профессий, от которых человек оказывается полностью зависимым в чем-то важном: хирурги, юристы, риелторы. Психологически эта настороженность вполне объяснима: кому нравится чувствовать себя беспомощным в руках другого? Тем более, что перевод — это же не хирургия, думает клиент, ничего особенно сложного в этом нет; вот если бы я в свое время не прогуливал в школе уроки английского и если бы Марьяванна учила нас получше, то я бы сейчас вообще обошелся без этого типа, который что-то тут рядом с моим деловым партнером лопочет на его птичьем языке, да еще дерет за это такие деньги, которых и я не зарабатываю, а что он там говорит, и все ли правильно, это еще неизвестно... И что особенно до-

садно: ведь с ходу не проверишь, не надули ли тебя, не передернули ли, не исказили ли что-нибудь важное. Но хотя бы попробуем убедиться, что не обвесили, думает клиент. Всё ли перевел переводчик, каждое ли слово передал? А если нет, так надо немедленно поймать его за руку: какое право он имеет утаивать хозяйский товар?

Именно так — с оттенком скандала и некоторым опасением насчет незаконности и самоуправства — ставится обычно вопрос о *компрессии*, то есть уменьшении объема текста перевода по сравнению с объемом текста оригинала. Как и к любому другому явлению, характеризующему процесс перевода (в нашем случае — устного перевода), к компрессии можно применить как дескриптивный, так и прескриптивный подход. То есть можно подсчитывать количество слов/словов или соотносимых оборотов и структур в зафиксированном тексте уже состоявшегося перевода по сравнению с текстом оригинала и делать те или иные выводы из наблюдаемых различий, а можно говорить о допустимости/недопустимости или желательности/нежелательности этого явления, или даже о его необходимости

Теоретические основы

или неизбежности в зависимости от тех или иных лингвистических или экстралингвистических параметров¹.

Компрессию нельзя приравнять просто к опущению – а тем более к утрате – тех или иных элементов текста в переводе. Но так же недостаточно, как нам кажется, сводить разговор о компрессии к более или менее подробному перечислению формальных трансформаций или видов поверхностных синтаксических и лексических структур, в отношении которых применяется такая тактика, как это делают И.В. Полуян или, например, И.В. Гурин². Компрессия – это один из способов решения не столько структурных, сколько смысловых, то есть коммуникативных и функциональных, задач в ходе перевода; это способ *достижения тех же целей*, которые ставил автор оригинала, *другими средствами*, и нередко выбор этих других средств диктуется соображениями удобства, причем не только удобства переводчика, но и конечного получателя³.

¹ И.В. Полуян в своей книге «Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского на английский» (М.: Р.Валент, 2011. – С. 5–8) выражает против использования самого термина «компрессия», но нам представляется, что не имеет смысла отказываться использовать привычный термин, описывающий реально существующее явление; гораздо полезнее уточнить объем его значения и сферу применения.

² Гурин И.В. Приемы речевой компрессии при синхронном переводе с русского языка на английский, автореферат канд. диссертации. – М., 2009.

³ Возможна, конечно, и ситуация, когда клиент или заказчик устного перевода ставит перед своим личным переводчиком иные цели и задачи, чем те, которые преследует оратор. В типичном случае такое «особое задание» звучит примерно так: «Мне не нужно слушать все, что будет говорить оратор, я это и так знаю/я сейчас занят другим/я слишком устал и т.п. Ты мне переведи только главное». В таком случае, по воле клиента (а не по своей собственной!) переводчик начинает заниматься другим видом деятельности, который уместно было бы назвать устным реферированием. Правила и закономерности такой деятельности выводят производимый переводчиком текст за пределы понятия собственно перевода – и тем самым за пределы нашего рассмотрения вопроса о компрессии. Кстати говоря, если клиент полагает, что он тем самым упрощает работу переводчика, то он скорее всего ошибается.

Вопрос о том, имеет ли переводчик право самостоятельно определять, какая информация является коммуникативно-релевантной, а какая нет, разделяет как переводчиков, так и слушателей – получателей перевода (а также организаторов конференций, преподавателей перевода и прочие категории заинтересованных лиц) на два враждующих лагеря. Нередко этот спор принимает форму разговора о разных стилях или «режимах» устного/синхронного перевода. Так, К.В. Флеров говорит о Режиме 1 и Режиме 2 в синхроне, которые он, вслед за другими переводоведами, характеризует так:

Режим 1: Текст перевода максимально приближен к тексту на ИЯ. Отклонения допускаются только в случае опасности нарушения норм ПЯ, в противном случае перевод четко следует за оригиналом с сохранением всех стилистических, синтаксических и прочих особенностей. Мастерство перевода заключается в умении точно следовать оригиналу с необходимыми на языке ПЯ отступлениями. Выбирая этот режим, переводчик исходит из того, что адресату перевода необходимо полное представление о «букве» оригинала, а не только о его смысле, а также представление в ПЯ эмоционального, экстралингвистического и культурного контекста ИЯ.

Режим 2: Переводчик передает смысл, а не форму оригинала. Точность перевода формы сообщения не важна, если передан смысл. Мастерство перевода заключается в навыке извлечения и передачи смысла полностью другими словами с игнорированием формы сообщения. Переводчик полагает, что излишнее следование оригиналу затрудняет восприятие информации и засоряет перевод. СП не должен быть «слишком полным». Переводить в СП нужно только то, что действительно необходимо, особенно при переводе на

осевой язык (т.е. когда перевод переводчика с языка А на язык В используется не только для прослушивания носителями языка В, но и как промежуточный оригинал для переводчиков на языки С, D, E и так далее – в случае если переводчики на эти языки не владеют языком А)⁴.

Здесь точно воспроизведена суть каждой позиции: именно такие аргументы обычно и звучат от их сторонников. Однако хочется поспорить с некоторыми моментами. Например, неясно, на каком основании делается предположение (в отношении Режима 1), что максимально приближенный к букве оригинала перевод сохранит и передаст стилистические особенности оригинала, а тем более его «эмоциональный, экстралингвистический и культурный контекст». Не свидетельствует ли весь вековой опыт устного перевода как раз об обратном? Позволим себе ограничиться набившим оскомину, но абсолютно точным в данном случае примером: “We will show you the mother of Kuzma” никак не передает ни стилистику, ни эмоции, ни культурный контекст печально знаменитого «Мы вам покажем кузькину мать!». С описанием и трактовкой того, что названо Режимом 2, спорить хочется меньше, разве что непонятно, почему такой подход к переводу ассоциируется именно с переводом на осевой язык. Скорее уж этот режим уместен именно в ситуации перевода конечному получателю.

Основа решения об уместности и возможности компрессии – понятие коммуникативно релевантной информации, о которой говорит Д.М. Бузаджи, давая свое определение перевода (пере-

вод – это «текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности»⁵). К тому же самому представлению можно подойти и с другой стороны, а именно через понимание коммуникативно-функциональной структуры обрабатываемого текста или его отрезка. Следуя в основных чертах идеям Р. Якобсона, мы можем выделить целый ряд коммуникативных функций каждого отрезка текста⁶, которые могут в большей или меньшей степени реализовываться в нем, причем не обязательно поочередно: один и тот же элемент структуры текста может служить для реализации нескольких функций. При этом одна или несколько функций – обычно не больше двух – могут выходить на передний план и принимать статус доминирующих (= максимально релевантных). Именно в выявлении доминирующей функции (или функций) и состоит первый этап понимания коммуникантом – в том числе переводчиком – отрезка текста. Под отрезком, следует заметить, понимаются фрагменты текста очень разной и неравномерной длины: от одного слова (например, вводного; или, скажем, однословного лозунга или междометия) до абзаца, а то и нескольких. Впрочем, синхронный переводчик в любом случае работает с отрезками масштаба одной синтагмы, принимая решения по каждой синтагме последовательно.

Итак, переводчику следует, еще прежде чем начать работать с тем, *что* говорит оратор (тем более с формальной, поверхностной структурой отрезка, то есть с тем, *как* он это говорит), обратить внимание

⁴ Флеров К.В. К вопросу о двух режимах синхронного перевода. В сб. «Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики». Материалы международной заочной научно-практической конференции. – Елабуга, 2013. – С. 190–193.

⁵ Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. Журнал переводчиков. 2011. 2(30). – С. 52.

⁶ Р. Якобсон выделял следующие функции текста: денотативная, волеизъявительная, экспрессивная, поэтическая, фатическая, метаязыковая.

Теоретические основы

на то, *зачем/для чего* говорится отрезок. Является ли он, например, в основном средством передачи содержательной информации (доминирующая функция — денотативная, она же референциальная) или же элементом оформления и организации самой коммуникации (доминирующая функция — фатическая, или, шире, текстоорганизующая: *the housekeeping function*). Впрочем, вопрос о функции и предназначении текста может ставиться и еще шире: входит ли на данном отрезке текста в намерение говорящего передача слушателям только *содержания* речи (более обычный случай) или также и ее *формы* (такой вариант редко является главной целью, а вот побочной или дополнительной — довольно часто)?

Форма текста — в первую очередь контейнер для переноски содержания. Но она имеет и собственные свойства, возможности и потребности. Например, именно на уровне формы передается регистровая (стилистическая) информация, а также содержатся многие «украшения» (*frills*). В художественном тексте весомость формы может не только превышать весомость содержания, но и практически исчерпывать весь смысл и ценность текста (пределный случай — жанр поздравительных стихов к новому году). Мы, правда, занимаемся нехудожественными текстами, но иногда такие фрагменты вторгаются и в них.

Бывают и другие причины, по которым конечному получателю нехудожественного текста может понадобиться точная информация не только о смысле, но и о букве оригинала: например, если переводится текст, который дальше станет объектом редактирования или придирчивого разбора, как это бывает с проектами резолюций или соглашений. Но подобные тексты (и их переводы) обычно предъявляются участникам дискуссии в *письменном* виде: делать такую работу на слух

считается не только слишком сложным, но и просто несolidным делом, чреватым ошибками, непониманием, обидами и прочими неприятностями. Другая ситуация, когда требование «буквальности» перевода может быть хоть как-то оправданно, — это что-то вроде двуязычного экзамена или допроса, где экзаменатор, следователь или ревизор желает убедиться, точно ли испытуемый заучил предписанные ответы на какие-то вопросы, не путается ли он в показаниях и на каком именно месте он сбивается. Ситуация возможная, хотя, согласитесь, достаточно редкая — впрочем, она привычна для судебного перевода или, скажем, для перевода собеседования при приеме на работу. Можно также представить себе ситуацию, когда для коммуниканта-слушателя важна именно информация о том, *как* что-то сказано отправителем: в каких именно выражениях, с какой степенью полноты, в каком регистре или, скажем, с каким региональным акцентом. Разумеется, во всех случаях, подобных описанным выше, компрессия в переводе совершенно неуместна и даже разрушительна для коммуникации, если только она не дополняется переводческим комментарием относительно именно этих, сложно передаваемых в переводе, параметров (обычно на такой комментарий переводчик должен получить специальный запрос, или хотя бы разрешение, слушателя).

В прочих обстоятельствах, когда основное внимание коммуникантов обращено не на форму текста, а на его содержание, компрессия в устном переводе, видимо, не только допустима, но даже желательна, хотя бы в целях экономии времени. В таком случае встает вопрос: что именно следует — или хотя бы *можно* — без опасения подвергать компрессии и как добиваться этого эффекта?

В.М. Илюхин (2001), вслед за Г.В. Черновым, предлагает достаточно компакт-

ную классификацию, выделяя всего четыре вида компрессии по способу ее осуществления: 1) слоговую (выбор более короткого слова); 2) синтаксическую (выбор более короткой конструкции); 3) лексическую (выражение мысли меньшим числом слов) и 4) семантическую (сокращение повторяемости избыточных слов).

Некоторые другие авторы, писавшие на эту тему, наоборот, предлагают длинные списки приемов компрессии, в которых можно встретить весьма разнородные вещи. Так, И.В. Гурин (2009) приводит такой список:

- замена полного наименования аббревиатурой или сокращенным наименованием,
- опущение однородного члена,
- устранение повторяющихся синтаксических компонентов,
- опущение отступления от темы,
- опущение обращения,
- опущение избыточных смысловых элементов, восполняемых экстралингвистической ситуацией общения,
- опущение избыточных смысловых элементов, восполняемых фоновыми знаниями участников коммуникативного акта,
- опущение прецизионной информации,
- опущение формулы вежливости,
- опущение вводной конструкции,
- опущение вставной конструкции,
- десубстантивация,
- сжатие предикативно-объектной структуры в глагол,
- замена предикативной конструкции глаголом с приставкой,
- опущение определительной конструкции или наречия,
- замещение/стяжение словосочетания,
- устранение дифференциальных семантических компонентов с переходом от видового понятия к родовому,

- опущение избыточных смысловых элементов, восполняемых контекстом коммуникации;

а также

- конкретизация за счет предшествующего контекста,
- сжатие параллелизма,
- опущение/замена слова, требующего развернутого пояснения,
- трансформация глагола в предикативную структуру «to be + прилагательное/причастие/предлог»,
- обобщение (свертывание синтагмы до слова с общим значением),
- опущение эмфазы,
- немотивированное опущение предложения или его части,
- замена полнозначного глагола глаголом широкой семантики,
- трансформация простого предложения в вводяще-бытийную конструкцию,
- адвербиализация,
- сжатие союзной конструкции.

Как мы видим, здесь фигурируют приемы морфологического, лексического, синтаксического, прагматического характера, а также просто опущения, т.е. решения пропустить какую-то информацию, оставив ее без перевода. Кроме всего прочего, этот список и сам вызывает желание подвергнуть его компрессии в связи с повторностью и избыточностью многих элементов: так, «сжатие параллелизма» можно считать вариантом «устранения повторяющихся синтаксических компонентов», а «свертывание синтагмы до слова с общим значением» представляется частным случаем «замещения/стяжения словосочетания».

Такой анализ способов и приемов компрессии, несомненно, полезен с научной и методической точки зрения, но он является анализом *post factum*: все эти виды трансформаций и опущений удобнее всего учитывать и классифицировать, сравнивая уже выполненный перевод с за-

Теоретические основы

фиксированным оригиналом. И даже если речь идет не о постпереводческом анализе, а о рассуждениях переводчика непосредственно в ходе работы, то так может себе позволить действовать в основном письменный переводчик, а из устных — последовательный. Впрочем, может себе позволить еще не значит делает: нередко приходится наблюдать письменный или устный перевод, в котором переводчик и не подумал воспользоваться своим правом на анализ и реорганизацию информации, то ли из принципиально буквалистической установки и священного трепета перед неприкосновенностью оригинала, то ли по неумению или просто по привычке идти путем наименьшего сопротивления. Однако нам нужно понять: а как это делать в таком виде перевода, как синхронный, когда в нашем распоряжении нет не только всего текста, но и концовки текущего высказывания? Ведь синхронный перевод, как мы не устаем повторять, это деятельность, связанная с принятием и реализацией необратимых переводческих решений в условиях заведомой неполноты поступающей информации и навязанного извне темпа, при полном отсутствии возможности саморедактирования.

Большинство рассуждений о компрессии исходит либо из абсолютной смысловой ценности информации: например, опустить при переводе «ключевую» информацию нельзя, а «второстепенную» можно (но как определить, какая информация ключевая, а какая второстепенная, не имея возможности ознакомиться со всем текстом? Этот подход также пригоден для реферирования, а не для синхронного перевода) — либо из формально-синтаксического статуса слов и выражений («передать сказуемое или подлежащее важнее, чем определение или обстоятельство образа действия»).

Нам представляется, что прежде чем говорить о конкретных приемах, следует

учесть гораздо более важное соображение, имеющее отношение к *коммуникативному уровню* высказывания. Принимать решение о допустимости или даже необходимости компрессии синхронный переводчик может, только дав себе ответ на вопрос: какая часть информации тривиальна для слушателей, а какая представляет из себя действительно что-то новое, содержательно или эмоционально важное для коммуникации? Или проще: что является *темой*, а что *ремой* переводимого высказывания⁷?

Для речи на русском языке этот вопрос в большинстве случаев имеет чрезвычайно ясное решение. Известно, что большая часть русских высказываний имеет рему в конечной позиции и, следовательно, начинается с тематической части. Тематическая и рематическая части высказывания при звучании разделяются своего рода перемычкой: либо микропаузой, либо местом смены интонационной шкалы. Вот несколько типичных примеров, взятых из выступления на международном политическом мероприятии (рему выделим жирным шрифтом, перемычку обозначим двойной вертикальной чертой):

Первым в нашей повестке дня стоит вопрос | | **«Обеспечение мира и стабильности в АТР».**

Продолжается | | **мировой финансово-экономический кризис.**

Экономический рост и укрепление демократических институтов возможны только в условиях | | **мирного, стабильного и безопасного развития.**

Типичное русское высказывание можно изобразить в виде схемы, где время протекает по горизонтальной оси слева направо, а толщина и интенсивность окраски условно обозначенных компонентов высказывания символизируют

⁷ Разумеется, информация, которая была подана как рема в оригинале, должна остаться ремой и в тексте перевода, иначе перевод будет неадекватен.

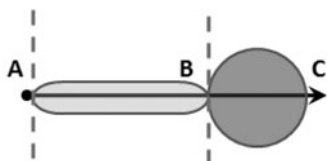

Рис. 1. Схема коммуникативного строения типичного русского высказывания.

AC – полное время звучания высказывания;
 AB – тематическая часть;
 BC – рематическая часть;
 B – «перемычка»

разную степень информационной насыщенности (см. рис. 1).

Рема, по определению, – это та часть высказывания, которая содержит контекстуально новую информацию. То есть в случае, если адресат коммуникации не располагает ресурсами прогнозирования содержания текста (что было бы возможно, например, при глубоком знакомстве с предметом или знании предыстории обсуждаемого вопроса), рема представляет для него непредсказуемую, самую важную, но и самую помехонеустойчивую информацию. Когда в роли получателя выступает синхронный переводчик, который параллельно с прослушиванием отрезков сообщения формирует и проговаривает вслух текст перевода, он тем самым создает сам себе немалые помехи для восприятия следующих отрезков. Легко понять, насколько важно для него в момент, когда оратор начинает формулировать очередную рему, быть максимально собранным, готовым слушать и понимать, да хотя бы просто свободным от других задач.

Переводчик начинает проговаривать текст перевода с небольшим запаздыванием, необходимым для восприятия отрезка входящей информации и принятия переводческого решения. Эта величина запаздывания, с некоторыми колебаниями, остается неизменной на протяжении

всего текста. Может показаться, что принципиальная схема действий переводчика с русского языка должна выглядеть так:

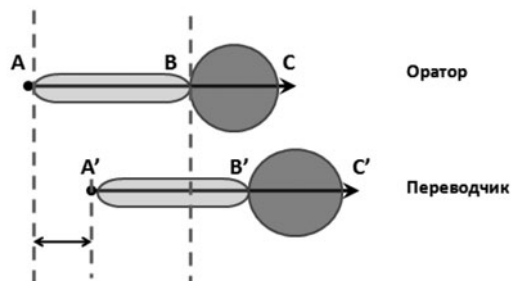

Рис. 2. Схема действий синхронного переводчика, не применяющего компрессию. Расстояние между линией A и линией A' (а также между B и B', C и C') – величина запаздывания

При таком подходе переводчик стремится сохранить в переводе пропорциональное соотношение между временем звучания тематической и рематической части высказывания, заданное оратором. Однако легко заметить, что момент B, когда оратор приступает к формулировке ремы, той самой наиболее информационно насыщенной и непредсказуемой части своего высказывания, совпадает у этого переводчика с серединой проговаривания им тематической части, и это с большой вероятностью мешает ему полноценно воспринять, обдумать, сформулировать, а затем и проговорить рему в своем высказывании. Если вслушиваться в формирующийся таким образом перевод, то можно сказать, что переводчик медлит на старте, а потом либо комкает самую важную информацию, либо вообще теряет ее, что, разумеется, ведет к серьезным сбоям коммуникации.

Гораздо более надежной представляется иная тактика.

Теоретические основы

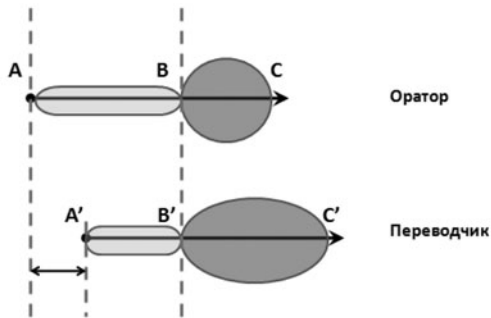

Рис. 3. Схема действий синхронного переводчика, применяющего компрессию. Расстояние между линией А и линией А' – величина запаздывания. Различие между длиной отрезков АВ и А'В' – степень компрессии

Здесь переводчик стремится действовать так, чтобы к моменту времени В (перемычке между темой и ремой в речи оратора) успеть закончить изложение материала тематической части своего высказывания и быть готовым воспринимать рематическую информацию оратора. Это дает переводчику чуть больше времени, чтобы расслышать такие типичные составляющие рематической информации, как прецизионная информация (цифры, имена собственные), вспомнить необходимые термины, осознать суть выраженной оратором эмоции или оценки – и не спеша проговорить все это на языке перевода, а то и позволить себе крошечную паузу перед началом следующего высказывания. То есть принимать конкретные тактические меры для сжатия объема текста нужно не тогда, когда переводчик понимает, что он упускает важную часть содержания (рему), а еще в то время, когда, казалось бы, все хорошо и не слишком напряженно, и лишь слегка накапливается отставание от оратора, т.е. во время звучания информационно неплотной темы. Переводчику может быть психологически неочевидно, что следует поступать именно так, однако такой прием окупается

гораздо большей надежностью техники с использованием компрессии. Разумеется, в реальности начать проговаривать рему одновременно с оратором (т.е. обеспечить полное совпадение по времени В и В') переводчик не сможет, но он может в этот момент хотя бы быть свободным и готовым *слушать* поступающую информацию, а это уже серьезный залог успеха.

Таким образом, приемы компрессии применяются не к любой части высказывания, и не по каким-то формальным признакам, характерным для элементов поверхности оригинала (таким, как принадлежность к определенной части речи или определенная синтаксическая роль), а в зависимости от функции отрезка в смысловой структуре высказывания и новизны и ценности содержащейся в нем информации. Вот как это выглядит на практике (некоторые приемы характерны именно для русско-английского направления перевода, другие носят универсальный характер. Список приемов, разумеется, не является исчерпывающим):

1) В спонтанной устной речи первые слова высказывания нередко не несут существенной смысловой нагрузки, а служат оратору просто как средство начать говорить хоть что-то, чтобы занять канал коммуникации, пока он собирается с мыслями. Такой материал может быть без большого ущерба опущен в переводе, если только, как мы говорили выше, у переводчика нет задачи показать своим слушателям, что оратор испытывает трудности в подборе формулировок. Обычно это не требуется, поэтому происходит примерно следующее:

Я ведь что хочу сказать? Я хочу сказать, что сегодня речь не идет о том, что этот план совсем не годится, но он требует уточнений. >> It is not that the plan is no good, it simply needs to be more specific.

2) Иногда подобные зачины содержат и какую-то долю полезной информации, например, направленной на организацию и структурирование самой коммуникации (то самое, что называется *the housekeeping function*). Эта информация требует передачи, но можно выбрать более компактный способ сделать это.

А сейчас мы с вами перейдем к следующему пункту повестки дня, который вот тут у нас обозначен как отчет комитета. >> Our next [agenda] item is the commission's report.

Такие зачины, предназначенные для того, чтобы оратор мог самоорганизовать свою речь, а слушатель подготовился к появлению важной информации, нередко являются устойчивыми, то есть повторяются в форме клише из текста в текст. Тем проще будет переводчику приучить себя заменять их при переводе более короткими формулами:

What we are trying to achieve is... >> Наша цель...

You have to give credit where credit is due... >> Надо признать, что...

Last but not least... >> И наконец, .../И, разумеется, ...

3) Тематическая часть каждого высказывания часто содержит в себе элементы, повторяющие или перефразирующие рему предыдущего высказывания. Такие повторы можно свести к замене грамматическими субститутами (номинативные группы — местоимениями, смысловые глаголы вместе с зависимыми от них словами — вспомогательными глаголами в нужной форме и т.п.).

В прошлом году переговоры между делегациями наших стран завершились подписанием совместного соглашения. Принятие этого важного документа стало серьезным шагом в развитии наших двусторонних отношений. >> Last year, negotiations between our delegations culminated in a signed agreement. That

was a major step forward in bilateral relations.

4) Подобным же образом можно использовать лексические субституты: слова широкой семантики, заменяющие иногда целые предикации или словосочетания, прозвучавшие как рематическая информация выше по тексту.

В прежние времена люди так активно охотились на каланов у побережья Алеутских островов, что перебили почти всех зверей. Сегодня такое массовое истребление морских млекопитающих признается защитниками окружающей среды недопустимым. >> In the past, sea otters off the coast of the Aleutian Islands were hunted almost to extinction. Today, the practice is condemned by environmentalists.

5) В переводе следует различать в составе высказываний референциальные ядра и нереференциальную, т.е. строевую информацию. Референциальные ядра (референты) это слова (словосочетания), которыми обозначаются предметы затекстовой реальности, становящиеся предметами мысли и, в конечном итоге, речи оратора. Референты объединяются в предикации при помощи строевых элементов высказывания, несущих различного вида информацию — от времени и модальности до оценки, логических связей и степени субъективности. При выборе средств передачи в переводе названий референтов переводчику следует соотносить сигнификат (способ выражения на языке перевода) с денотатом (самой вещью), то есть решать вопрос, как эта вещь *называется* на языке перевода. Результатом обычно оказывается слово или словосочетание, в основных чертах подобное исходному. А вот при передаче всей прочей информации к подобию стремиться совсем не обязательно, достаточно ответить себе на вопрос: Как *удобнее* передать необходимые смыслы на языке перевода? Под удобством синхронный переводчик нередко имеет

Теоретические основы

в виду компактность, что и дает в итоге компрессию.

Возьмем пример. В нем «наша компания» и «охрана природной среды» – референты, а вся остальная информация нереференциальная:

Наша компания постоянно проявляет большую активность в области охраны природной среды. >> Our company is committed to environmental protection.

б) Некоторые параметры текста, раз будучи заявлены или проявлены в нем, могут оставаться неизменными на более или менее значительном его протяжении – но, разумеется, по воле автора могут в любой момент и измениться. К числу таких факторов могут относиться грамматические (например, временной план группы высказываний или модальность), эмоционально-оценочные, регистровые, прагматические, т.е. связанные с позицией говорящего относительно слушающих и его интенциями, и т.д. Если по мере разворачивания текста те или иные из раз заданных параметров действительно не меняются, то повторное поверхностное их выражение в оригинале может, в целях экономии, не повторяться в переводе. А вот изменение как раз потребует обозначения в конечном тексте.

Наш мир все чаще сталкивается с целой серией транснациональных угроз в области безопасности. Среди них – опасность распространения ядерного оружия, терроризм, наркотрафик. Весьма актуальной стала сегодня задача обеспечения кибербезопасности. >>

Today's world faces an increasing range of transnational security threats, including nuclear proliferation, terrorism and drug trafficking. An urgent concern is cyber security.

Здесь форма прошедшего времени последнего глагола русского текста никак не меняет того факта, что временной план всего абзаца – настоящее время. «Задача обеспечения безопасности» вполне мо-

жет быть передана конверсивом *security concern*.

Или вот такой пример:

China's rulers of the Middle ages could ban some technological advance, and their ban was obeyed. Europe's regimes might try such things. Some did: Florence issued an edict in 1299 forbidding bankers to use Arabic numerals; in 1397 Cologne ordered its tailors not to use machines...

Сравнение модальных глаголов, обозначающих разную степень вероятности, представленное в оригинале, в переводе может, например, быть заменено сопоставлением упоминаемых явлений по шкале частотности:

Правители средневекового Китая могли запретить какой-то элемент технического прогресса и этот запрет соблюдался. Государства Европы тоже иногда пытались сделать подобное. Вот конкретные примеры: (...)

7) Очень большую компрессионную экономию можно получить, отказавшись от воспроизведения в переводе подчинительных союзов, структурирующих сложноподчиненное предложение; особенно от тех, которые стоят в начале предложения: *as, while, since, поскольку, в связи с тем, что, несмотря на то, что* и т.п. То же самое относится к эмфатическим рамочным конструкциям. Этот прием позволяет заменить подчинительную связь сочинительной или бессоюзной, что заметно облегчает и укорачивает предложение.

Несмотря на то, что мы предприняли все возможные меры, достичь результата не удалось. >> We did all that was possible, but did not succeed.

As our company expanded its operations in the overseas markets, our profits increased. >> Наша компания расширила зарубежные операции. Прибыли выросли.

That an attractive, active and well-functioning public space can jumpstart

economic development in a community is being recognized increasingly around the world. >> Привлекательное, активно используемое, функциональное общественное пространство может стать толчком к экономическому развитию населенного пункта, и это сегодня начинают признавать во всем мире.

Этот прием – уплощение исходно многоуровневой синтаксической структуры – давно известен устным переводчикам. На французском и английском языке ему придумано шутовское название «сосиссонаж» – идея в том, что длинное сложное предложение нарезается на маленькие кусочки, как сосиска или колбаса. На самом деле, это не значит, что переводчик отказывается выражать те логические отношения, которые существовали между частями исходного предложения (причинно-следственные, уступительные, временные, отношения параллелизма или контраста, частного и целого или какие-то другие); просто задача выражения этих отношений перекладывается со служебных слов (союзов, союзных слов) на просодию (интонационно-акцентные средства), что дает экономию по времени звучания отрезка речи и облегчает ее восприятие конечным слушателем.

Частный случай сосиссонажа – это отказ от воспроизведения передаваемых слов другого лица в виде косвенной речи и замена этого в переводе на краткие и интонационно завершенные слова автора и прямую речь цитируемого лица. И в самом деле, кокетливый и тонко нюансированный пересказ чьих-то слов в косвенной или несобственно-прямой речи, которым так виртуозно владел, например, английский писатель Г. Вудхауз, вряд ли сохранит свою элегантность в синхронном переводе под давлением ораторского темпа. Использование же прямой речи позволяет сэкономить время, так как в прямой речи многие смыслы (оценочные, эмоциональные, регистровые), а также такие оттенки, как ирония, сомнение, убежденность

и прочие, передаются просодическими средствами, не требующими дополнительных слов.

Если спросить советника: «А вы готовы отвечать за результаты своих рекомендаций?», – он ответит: «Нет-нет-нет-нет! Я только эксперт. Посоветовал – и все!»

>> You ask this advisor: “Will you take responsibility for your recommendations?” And you hear: “Oh, no! Not me. I only give advice and that is it”.

(И не стоит, хотя и возможно, говорить что-то вроде: *If you ask the advisor whether or not he or she is prepared to bear responsibility for their recommendations they will vigorously deny the possibility claiming that their advisory function does not extend beyond making suggestions...*)

***

Почему-то считается, что компрессия – это просто лицензия на опущение в переводе каких-то деталей, второстепенной информации. При этом все – от заказчиков до теоретиков – беспокоятся, что переводчик может позволить себе признать второстепенной деталью то, что на самом деле важно; «выплеснуть с водой и ребенка». Да кто он вообще такой, чтобы судить о том, что важно, а что нет? Он даже не адресат коммуникации, а так, посредник, неизбежное зло, – думает подозрительный клиент. На самом же деле, переводчик – специалист, причем специалист именно в области коммуникации. Не претендуя на роль эксперта по части содержательного плана сообщения, он тем не менее как раз профессионально может судить о том, что в тексте является, а что не является «водой». И задача переводчика – уметь эту воду отцеживать и сливать, тем самым выигрывая время и сохраняя в содержании текста главное. И предъявлять это главное слушателю в наиболее удобном и убедительном виде.